

ХАРТЛЕНД И РИМЛЕНД: ОБСУЖДЕНИЕ ДВУХ СОМАТОЛОГИЧЕСКИХ КАРТ

© 2004 Ю.А. Сорокин

Институт языкознания РАН

1. Не обсуждая подробно постулаты евразийства [см. по этому поводу: 10], будем рассматривать два вышеуказанных термина — хартленд и римленд — в качестве двух точек отсчета, каждая из которых указывает на специфическим образом структурированную среду, понимая под ней совокупность ментальных и нементальных (натуральных) “вещей”, или, говоря иначе, совокупность артефактов и ментефактов. Артефакты и ментефакты, “виновником” появления которых является человеческая деятельность, суть не что иное, как элементы/составляющие некоторой целостности (некоторого местообитания), входящие, в свою очередь, в более широкую биоэкологическую среду/макрусреду, словом, это то, что можно квалифицировать в качестве **хомотопа** (ср. с биотопом). Являясь, несомненно, естественным/природным образованием, хомотоп проходит стадии зарождения, развития/расцвета и упадка. Иными словами, хомотоп еще и хронотопичен. Он существует в виде длительности (единицей ее измерения является человеческая жизнь / жизнь ближайших поколений), сопряженной с определенным местообитанием. Ему, хомотопу, присущи также специфические стереотипы поведения и уникальная внутренняя структура (см. по этому поводу и в связи с вышеизложенным работы Л.Н. Гумилева), носящие динамический характер и отличающие этот организм от других, соседствующих с ним.

Хомотоп представим (и перечисляем?) лишь как ансамбль артефактов и ментефактов, точнее говоря, **когниоцентров**, **когниоцентров** и **психоцентров**, чья семантическая “отдельность” обеспечивается выборочным фокусом внимания к миру — к натуре творящей и сотворенной — предполагающем(ей) такую его/ее знаковую и незнаковую аранжировку, которая не характерна для других хомотопов. Именно фокус внимания и аранжировка [см. в связи с этим: 8; 3], которыми рассматриваются проблемы цветообозначения (**лингвоколористики**), и обеспечивают своеобразие вышеуказанного ансамбля и, тем самым, и своеобразие вербального и невербального поведения входящих в хомотоп индивидов/личностей. Совокупность такого поведения и есть то, что называют **этносом**, сознательно

или бессознательно учитывающим свое отличие от других этносов [об оппозиции “свой—чужой” см., например: 1]. И в этом смысле любой этнос является креативно-дифференцирующим организмом (**креатемой** и **дифференцемой** одновременно), чей вербальный и невербальный метаболизм рассчитан на сохранение различий между собой и другими организмами (рассчитан на сохранение опор самоидентификации).

2. Одной из таких опор следует считать **соматологическую** (соматическую) **карту** — карту человеческого тела, прочитываемую в зависимости от того, чьей — своей или чужой — она является, ибо образ этой карты формируется (или изначально задан?) на самых ранних этапах развития/социализации того или иного индивида (той или иной личности). Иными словами, чтение соматологической/соматической карты — это не что иное, как свидетельство специфического внимания и определенной аранжировки входящих в хомотоп индивидов/личностей как некоторых аксиологических единиц, принимаемых, полупринимаемых или отторгаемых в зависимости от сходств и различий в образах “свой” и “чужой” соматологической/соматической карты [см. в связи с этим: 11; 12]. По-видимому, можно также утверждать следующее: соматологическая/соматическая карта как **знак** определенным образом воспринимаемой — своей и чужой — **телесности** является исходной точкой отсчета в процессе межличностного общения, предполагающего когнитивно-когнитивное/ценностное соизмерение самих коммуникантов и их отношения к **миру**. По мнению М. Мерло-Понти, «опыт выявляет под объективным пространством, в котором тело в конечном итоге обретает место, некую первоисходную пространственность, по отношению к которой первая — лишь оболочка, и она срачивается с самим бытием тела. Быть телом — значит ...быть привязанным к определенному миру, и изначально наше тело не в пространстве: оно принадлежит пространству. <...> Пространственность тела есть разворачивание его телесного бытия, тот способ, каким оно осуществляется как тело. <...> ...собственное тело внушает нам некую отличную от приведе-

ния к закону форму единства. <...> Тело есть “действенный закон” своих изменений, если воспользоваться выражением Лейбница. Если и можно говорить об интерпретации в рамках восприятия собственного тела, то вот так: оно само себя интерпретирует. <...> Если тело может символизировать существование, это потому, что оно осуществляет его и является его актуальностью. <...> Слова “я представляю себе Пьера” означают, что я снабжаю себя его псевдоприсутствием, пуская в ход “поведение Пьера”. Как воображаемый Пьер есть лишь одна из модальностей моего бытия в мире, так и словесный образ есть одна из модальностей моей фонетической жестикуляции, данная вместе со множеством модальностей во всеобъемлющем осознании моего тела. <...> Роль тела в памяти постигается лишь при том условии, если память есть не конституирующее сознание прошлого, но усилие по переоткрытию времени, отправляющееся от импликаций настоящего, и если тело, будучи нашей постоянной возможностью “принимать позы” и фабриковать таким образом некие псевдонастоящие, есть средство нашего сообщения как со временем, так и с пространством. <...> Я понимаю другого своим телом, как своим телом же воспринимаю “вещи”. <...> Говорить о “естественных знаках” можно было бы лишь в том случае, если бы анатомическая организация нашего тела соотносила с данными “состояниями сознания” определенные жесты. Однако мимика любви и гнева у японца и западного человека различна. Точнее, различие мимики скрывает различие самих эмоций. Случайным по отношению к телесной организации является не только жест, но и сам способ принятия ситуации и жизни в ней. Японец в гневе улыбается, западный человек краснеет и топает ногами или бледнеет и говорит задыхаясь. <...> Важен их способ употребления своего тела, одновременное придание формы телу и миру в рамках эмоции. <...> Способ употребления человеком своего тела трансцендентен по отношению к телу как просто биологическому бытию. Что же выражает язык, если не мысли? Он представляет или, точнее, он есть принятие субъектом позиции в мире его значений. Термин “мир” здесь — не образное выражение, он означает, что “ментальная”, или культурная, жизнь заимствует у жизни “естественной” ее структуры, что мыслящий субъект должен быть основан на субъекте воплощенном. <...> Нельзя определить речь ни как “операцию мышления”, ни как “двигательный феномен”: она вся целиком есть двигательная функция и вся целиком — мышление» [9, 198–200, 218, 237, 243, 246, 251–253].

По-видимому, соматологическая/соматическая карта есть не что иное, как разновидность когнитивной карты (ориентировочной схемы, по У. Найссеру) [см. по этому поводу: 5, 168–181], причем «схема — это та часть перцептивного цикла, которая является внутренней по отношению к воспринимающему, она имеет функцию предвосхищения, подготавливая индивида к принятию информации строго определенного, а не любого вида. Что же такое перцептивный цикл? В каждый момент воспринимающим конструируется не умственный образ, “возникающий в сознании, где им восхищается некий внутренний человек”, а предвосхищения некоторой информации, делающие возможным для него ее принятие, когда она оказывается доступной. Чтобы сделать эту информацию доступной, человеку часто приходится активно исследовать оптический поток, двигая глазами, головой или всем телом. Эта исследовательская активность направляется все теми же предвосхищающими схемами, представляющими собой своего рода планы для перцептивных действий» [5, 176]. Не менее очевидным следует также считать, что каждая соматологическая/соматическая карта существует в двух формах: **эндорефлексивной** и **экзорerefлексивной**. Эндорефлексивную соматологическую/соматическую карту следует рассматривать в качестве такой ориентировочной/перцептивной схемы, для которой характерна слабая сила предвосхищения (это эталонная карта-дейксис, указывающая на своих как на нечто идентичное моему телу/образу моего тела), а экзорerefлексивную соматологическую карту — в качестве такой, для которой характерна сильная сила предвосхищения, обусловленная несопадением между своим и чужим телесным эталоном (восприятия и оценки). Несомненно, что эта сильная сила предвосхищения должна быть таковой и в силу заложенной в каждой этнической соматологической/соматической карте антитолерантности, позволяющей ей сохранять свою стабильность и эффективность¹.

¹ Несомненный интерес представляет и феномен **вторичной соматологической** (квасисоматологической) **карты**, а именно **одежды** (и украшений?), варьирующейся от “высокого” до “низкого” стиля и представляющей собой не что иное, как набор **перцептов**, предопределяющих фокус внимания к этой карте и характер ее оценки. Перспективна и задача выяснения того, в какой мере **вторичная телесность** является копией или антикопией первичной, а также *что* она маскирует и демаскирует.

3. Используя теоретико-фактологический материал двух диссертаций² — М.Р. Бедретдиновой (“Характер и структура ассоциативных портретов /на материале русского и татарского языков/”, М., 2002) и М. Митамура (“Национально-культурные маркеры языкового сознания: японо-русские соматологические параллели /экспериментальное исследование/”, М., 1999), — попытаемся обсудить составляющие того, что выше было квалифицировано в качестве эндогенной соматологической/сомастической карты.

Для выявления этих составляющих использовался направленный ассоциативный эксперимент, в ходе которого 100 студентам-гуманитариям Токийского университета предлагалось охарактеризовать (двумя-тремя прилагательными) следующие части человеческого тела: голова, шея, волосы, губы, руки, рот, брови, нос, лоб, зубы, глаза, уши, ноги, живот, грудь, пальцы, щеки, плечи, подбородок, скулы, лицо, ногти, колени, спина, фигура. Полученные ответы ранжировались следующим образом: ответы, использованные в 10 случаях, считались релевантными, ответы, использованные менее чем в 10 случаях, принимались за слаборелевантные, а ответы, использованные менее чем в 5 случаях, — за сверхслаборелевантные.

Ответы испытуемых группировались также, исходя из формы, размера и цвета, приписываемого той или иной части человеческого тела, а также с учетом, ее и физических, и социальных характеристик (симбиотические реакции — симбиотивы).

Приведем некоторые полученные результаты. 1) *Подбородок* по форме может быть острым (37 реакций из 125, полученных на этот стимул: 37/125), круглым (12/125), выдающимся (10/125), узким или длинным (2/125 — слаборелевантные оценки), торчащим (8/125 — слаборелевантные оценки), по размеру — маленьким (9/19) или большим (5/19) (эти оценки слаборелевантны), а цвет его полностью нерелевантен для испытуемых. Симбиотические характеристики (42 реакции): твердый (10 реакций) и сильный (4 слаборелевантных реакции). 2) *Скулы* по форме могут быть выпуклые (16/83), выступающие (14/83), высокие (12/83) (остальные реакции слаборелевантны или сверхслаборелевантны), по размеру — большие, огромные, маленькие (все эти реакции сверхслаборелевантны), по цвету — с красным оттенком, красные (эти реакции также сверхслаборелевантны). Сим-

биотические характеристики (55 реакций): твердые (19/55) и костлявые (6/55 — слаборелевантные реакции). 3) *Щеки* по форме могут быть круглые (22/44) и впалые (13/44) (остальные реакции сверхслаборелевантны), а размер их полностью нерелевантен для испытуемых. Относительно цвета они характеризуются как красные (10/93) и розовые (9/93 — слаборелевантные реакции). Симбиотические характеристики (100 реакций): мягкие (28/100), пухлые (19/100), толстые (4/100 — сверхслаборелевантные реакции). 4) *Пальцы* по форме могут быть тонкие (67/127), толстые (36/127), костлявые (6/127 — слаборелевантные реакции), как белая рыбка (5/127 — слаборелевантные реакции), по размеру — длинные (67/93) и короткие (25/93), по цвету — белые (14/25). Симбиотические характеристики (61 реакция): красивые (16/61; остальные реакции сверхслаборелевантны). 5) *Плечи* по форме могут быть приподнятые (17/55), покатые (12/55), широко развернутые (6/55 — слаборелевантные реакции), по размеру — широкие (36/71, узкие (15/71), большие (7/71 — слаборелевантные реакции). Цвет их полностью нерелевантен для испытуемых. Симбиотические характеристики (101 реакция): мощные (20/101), твердые (12/101), уставшие (9/101 — слаборелевантные реакции), могучие (7/101 — слаборелевантные реакции).

Просуммировав все полученные результаты, мы смогли с известной долей условности сконструировать фрагмент **автообраза** (фрагмент обобщенного портрета носителя японского языка, эндообраз) и сопоставить его с фрагментом обобщенного портрета носителя русского языка (другим эндообразом), оценки-характеристики которого были выявлены в результате опроса 150 студентов-гуманитариев. По их мнению, 1) *подбородок* по форме может быть острый (14/57), с ямочкой (6/57 — слаборелевантные ответы), квадратный (5/57 — слаборелевантные ответы), по размеру — маленький (3/71), а цвет его полностью незначим для испытуемых. Симбиотические характеристики: волевой (8/32 — слаборелевантные ответы), мужественный (3/32 — сверхслаборелевантные ответы); 2) *скулы* могут быть широкими (17/61), выдающимися (7/61 — слаборелевантные ответы), острыми и выпирающими (по 5 слаборелевантных ответов), по размеру — большими (7/12 — слаборелевантные ответы), маленькими (4/12 — сверхслаборелевантные ответы). Цвет их полностью незначим для испытуемых. Симбиотические характеристики: нормальные (3/72 — сверхслаборелевантные ответы), монгольские, татарские (по 2 сверхслаборелевантных ответа); 3) *щеки* могут быть круглыми (4/10), впалыми (3/10) (все эти

² Диссертации были написаны под руководством автора этой статьи. Иными словами, они — результат наших общих авторских усилий.

оценки слаборелевантны). Размер их малозначим для испытуемых. По цвету щеки характеризуются как румяные (18/44), розовые (16/44), красные (5/44 — слаборелевантные ответы). Симбиотивы: пухлые (20/43), толстые (5/43 — слаборелевантные ответы); 4) *пальцы* по форме могут быть тонкими (25/38), толстыми (4/38 — сверхслаборелевантные ответы), по размеру — длинными (30/33), короткими (3/33 — сверхслаборелевантные ответы). Цвет их малозначим для испытуемых. Симбиотивы: музыкальные (6/30 — слаборелевантные ответы), нежные, цепкие (по 3 слаборелевантных ответа); 5) *плечи* могут быть покатыми (20/40), узкими (7/40 — слаборелевантные ответы), по размеру — широкими (25/33), большими (4/33 — сверхслаборелевантные ответы). Цвет их малозначим для испытуемых. Симбиотивы: красивые (7/26 — слаборелевантные ответы), мощные (3/26), полные (2/26) (сверхслаборелевантные ответы).

Вышеприведенные факты являются лишь частью тех, которые в достаточной мере показательны, свидетельствуя о сложной структурированности вербального и невербального (аксиологического) поведения, а, точнее говоря, о достаточно противоречивом процессе его формирования и оформления: знак "...служит не только цели сообщения готового мыслимого содержания, но является инструментом, благодаря которому само это содержание складывается и впервые приобретает свою полную определенность" [7, 170, 177]. Следует, правда, указать, что "полной определенности" можно говорить лишь условно, ибо для носителя японского языка она выступает, по-видимому, в качестве подсознательной данности, управляющей сцеплением признаков-оценок, характеризующих ту или иную часть человеческого тела в виде некоторой итоговой **соматологической/сомастической аксиологемы**. В частности, нельзя обойти вниманием факт преобладания, хотя и незначительного, несимбиотических оценок (3681) над симбиотическими (3221), что позволяет говорить о внутренней форме (по Э. Кассиреру [7, 171–172]) соматологической/сомастической аксиологемы как о форме, хотя и непрерывной, но все-таки двухполюсной. Опираясь на Л. Теньера [13], можно, по-видимому, рассматривать эту внутреннюю форму в виде специфической структуры, в которой признаки-оценки формы, размера и цвета являются **несимбиотическими актантами**, а амбивалентные (социально-физические) характеристики-оценки — **симбиотическими сирконстантами**.

Показательны также и другие факты: прилагательные-оценки характеризуются, например, **неравномерностью распределения фокуса внимания** (со стороны испытуемых). Если для слова-стимула *шея* характерно преобладание несимбиотических оценок над симбиотическими

(241:100; преимущественно несимбиотический фокус внимания), как впрочем, и для слова-стимула *нос*, оценки которого носят сугубо несимбиотический характер (245:56) (ср. также и с оценками слова *пальцы*: 235 несимбиотических единиц против 61 симбиотической или слова *подбородок*: 142 несимбиотических единицы против 42 симбиотических), то для слов-стимулов *колени* и *фигура* характерно иное соотношение (103:49 и 250:7; преимущественно симбиотический и сугубо симбиотический фокус внимания).

Внутри корпуса **несимбиотических характеристик** зафиксированы и нуль-оценки (нуль фокуса внимания): таковы характеристики *подбородка* и *плеч* в отношении цвета и характеристики *щеки* в отношении размера. Иными словами, мы можем, очевидно, говорить о существовании двух, по крайней мере, **квазиметрик аттрактивности**: интераксиологической, предполагающей сопоставление несимбиотического с симбиотическим (и наоборот), и интрааксиологической, предполагающей сопоставление несимбиотического с симбиотическим (или отказ от такого сопоставления). Это положение позволяет, в свою очередь, рассматривать интераксиологическую квазиметрику как актантно-сирконстантную, а интрааксиологическую — как актантную.

Как и в японских, в ответах русских испытуемых несимбиотические оценки также значительно преобладают над симбиотическими (2890 оценок против 2242). Наблюдается и неравномерность распределения фокуса внимания: например, для слов *тело* и *фигура* характерно преобладание симбиотических оценок над несимбиотическими (150 против 27 и 171 против 24), а для стимулов *пальцы* и *живот* — преобладание несимбиотических реакций над симбиотическими (72 против 30 и 135 против 87). Несимбиотический перевес также характерен для ответов на слова-стимулы *плечи* (75 против 26), *подбородок* (64 против 32), *скулы* (73 против 22), *спина* (95 против 3). Внутри корпуса русских несимбиотических характеристик также зафиксированы нуль-оценки (нуль фокуса внимания): таковы характеристики *ног*, *живота*, *подбородка*, *скул* и *спины* в отношении цвета и *лица* в отношении размера, причем совпадение с японской нуль-оценкой наблюдается лишь в отношении слова-стимула *подбородок* (но если учитывать и те две единичные оценки, которыми русские испытуемые охарактеризовали *плечи*, то и в отношении этого слова-стимула), а несовпадение — в отношении слова-стимула *лицо*: ему японцы предпочитают *щеки*. Показательно также, на наш взгляд, соотношение нерелевантных (слабо- и сверхслаборелевантных) ответов, или, иначе говоря, соотношение фокусов внимания у японских и русских испытуемых. В слабых и сверхслабых фокусах внимания находится *шея*, если она оценивается и японцами, и русскими в отношении формы. Цвет *голо-*

вы слабо фокусируется русскими, но не японцами, а форма *волос* слабо фокусируется японцами, но не русскими. Русские также слабо фокусируют цвет *рук* и слабо/сверхслабо — форму *рта*, а японцы — его цвет. Русские слабо сфокусированы и на симбиотических характеристиках *рта*. Японцы слабо фокусируют форму *бровей* и их симбиотические характеристики, слабо и сверхслабо — форму *лба* и слабо — его симбиотические характеристики. Слабо и сверхслабо они фокусируют и симбиотические характеристики *носа*. Русские слабо фокусируют цвет *лба*, сверхслабо — размер *подбородка* и слабо/сверхслабо его симбиотические характеристики, а цвет его оказывается вне фокуса внимания испытуемых. У них в зоне слабого и сверхслабого внимания оказывается размер *скул* и в зоне сверхслабого внимания — симбиотические характеристики этого соматологического/сомастического элемента. И вне зоны внимания остается его цвет.

В японском соматологическом/сомастическом портрете больше интенциональных и экстенциональных признаков (соответственно 34 и 127), чем в русском (соответственно 21 и 100). Но эту характеристику японского портрета следует, по-видимому, принимать с известными оговорками, ибо различие между интенциональными и экстенциональными признаками может быть выявлено, во-первых, лишь при учете их использования (**кто**, **кого** и **зачем** /с какой целью/ **оценивает**) в конситуации общения и, во вторых, принимая во внимание транзитивность этих признаков. Более существенными, на наш взгляд, являются тактики фокусирования признаков (симплексов), позволяющие — на бессознательном уровне — специфицировать тот или иной соматологический компонент и, тем самым, соответствующим образом аранжировать соматологический образ. Не менее важным является и характер вещного (денотатного) мира, составляющие которого выступают в качестве истолкований японских и русских симплексов. Если расклассифицировать сравнения на антропомерные (АнтС), натуромерные (НатС) и артефактные (АртС), то можно представить эти симплексы в виде компарациограмм/компаративограмм. Например, *подбородок* охарактеризован русскими испытуемыми тремя прилагательными (против одного японского; индекс конкретизированности русских оценок в три раза выше, чем японских): острый (47/69), маленький (35/56), квадратный (45/69). Совпадающей оценкой является лишь одна: острый.

Русские цепочки сравнений: *подбородок* острый, как угол (10 реакций), нож (7 слабореlevantных реакций), как у подростка (6 реакций — слабореlevantных), маленький, как у ребенка (13 реакций), как кнопка (4 реакции — сверхслабореlevantные), квадратный, как у робота (9 реакций — слабореlevantных), как кирпич (8

реакций — слабореlevantных), как у боксера (5 реакций — слабореlevantных).

Русская компарациограмма/компаративограмма: 1. АртС (10) и АнтС (слабореlevantные), 2. АнтС (13) и АртС (слабореlevantные), 3. АртС и АнтС (слабореlevantные). Японская компарациограмма/компаративограмма: 1. АнтС (11) и НатС (10). Этот случай, по-видимому, можно рассматривать в качестве вырожденного использования тактик: и русские, и японцы в слабой степени используют антропомерную тактику (13 единиц против 11), натуромерную тактику используют лишь японцы, но тоже в редких случаях (10 раз), а артефактную — лишь русские (и тоже 10 раз).

Скулы охарактеризованы русскими шестью прилагательными (против двух японских; индекс конкретизированности русских оценок выше японских оценок в три раза): большие (38/54), маленькие (35/97), широкие (55/104), узкие (26/54), острые (38/64). Среди русских оценок нет совпадающих с японскими. Русские цепочки сравнений: *скулы* большие, как у монгола (17 реакций) (остальные реакции слабореlevantны), маленькие, как у ребенка (6 реакций — слабореlevantных), у европейца (6 реакций — слабореlevantных), у мышки (4 сверхслабореlevantные реакции), широкие, как у монгола (20 реакций), у китайца (6 реакций — слабореlevantных), у татарина (4 реакции — сверхслабореlevantные), нормальные, как у человека (13 реакций), у европейца (12 реакций), как у всех (11 реакций), узкие, как у азиата (4 реакции — сверхслабореlevantные), у китайца (3 реакции — сверхслабореlevantные), острые, как угол (8 реакций — слабореlevantных; остальные реакции сверхслабореlevantны).

Такой соматологический элемент, как *щеки*, можно представить в виде следующих компарациограмм/компаративограмм: русские — 1. НатС (54) и АнтС (11), 2. АнтС (11) и НатС (слабореlevantные), 3. НатС (25) и АнтС (слабореlevantные), 4. НатС (30) и АртС (слабореlevantные), 5. АнтС (18) и АртС (слабореlevantные); японцы — 1. НатС (82), 2. АртС (53) и АнтС (20), 3. АртС (слабореlevantные), 4. АнтС (18) и АртС (слабореlevantные). Как следует из этих компаративограмм, русские в основном ориентируются на натуромерную тактику (109), а затем — на антропомерную (40). Артефактная тактика для них нерелевантна. Японцы, в свою очередь, ориентируются на натуромерную тактику (82), затем на артефактную (79) и в последнюю очередь — на антропоморфную (20).

Если использовать процедуру “переписывания” (а, тем самым, и сопоставления) портретов носителя русского и японского языков, в ходе которой признаки-характеристики/оценки заме-

нить предметной фактурой, соотнесенной с ними, можно еще четче представить фрагмент соматологической карты как совокупности составляющих ее образов. Японская цепочка соотнесений — *подбородок*: Антонио Иноки, молодой месяц; *скулы*: жабры, скелет, камень, скала; *щеки*: яблоко, роза, рисовая лепешка, зефир, ребенок; *голова*: скала, арбуз, мяч, слон, воздушный шар, камень, железо, алмаз, ученый, гений, тушь, ворона, боб, муравей, свинец, гиря, обезьяна; *волосы*: женщина эпохи Хэйан, нитка, тушь, воронье крыло, алария, ночь, мальчик, мужчина, бонза, игла, шелк, вата, кошка, паутина, игла. Русская цепочка соотнесений — *подбородок*: угол, ребенок (два экспликата против двух японских; совпадающих экспликатов нет); *скулы*: монгол, человек, европеец, все (четыре экспликата против четырех японских; совпадающих экспликатов нет); *щеки*: помидор, яблоко, свекла, матрешка, младенец, яблоки, хомяк (семь экспликатов против пяти японских; совпадающий экспликата один — яблоко); *голова*: арбуз, шар, мяч, профессор, Дом Советов, день, гений, ученый, баран, негр, чугун (одиннадцать экспликатов против шестнадцати японских; общими среди них оказались пять: арбуз, мяч, /воздушный/ шар, гений, ученый); *волосы*: русалка, смоль, цыган, уголь, ночь, мальчик, ежик, пух, солома, палка, лес (одиннадцать экспликатов против пятнадцати японских; совпадающими из них оказались лишь два: ночь и мальчик).

Приведенное выше распределение экспликатов хорошо согласуется с выводом о цепочках сравнений как сингулярных цепочках, порождаемых соответствующими комбинациями симплексов. Иными словами, русская и японская соматологическая карта оказывается аранжированной в зависимости от предпочтений, оказываемых той или иной фактуре образов. Именно эти предпочтения и различия между ними предопределяют характер аксиологического чтения соматологической карты, оказывающегося процессом сканирования взаимосоположенных симультантных экспликатов, количество и качество которых варьируется в каждой группе испытуемых. Говоря иначе, чтение соматологической карты есть не что иное, как процесс экспликации лингвовизуальных форматов восприятия и оценки, причем структура этих форматов предопределяет и “технологию”, и “характерологию” этнической специфики вербального и невербального поведения.

Опираясь на полученные результаты, можно, по-видимому, утверждать о наличии не только личностного лингво-когнитивного предпочтения одного понятия/образа другому (одного лексемного набора другому), но и этническо-

го предпочтения, оказываемого тем или иным составляющим ментальной и нементальной среды. Например, **хроносизмам**, свидетельствующим о “расщеплении” уровней языковой/семиотической личности, а именно о вербально-семантическом (семантическом), тезаурусном (когнитивном) и мотивационном (прагматическом) “расщеплении” под влиянием того “переключателя”, который можно было бы квалифицировать как **хроносон/таймикон**, направляющий внимание носителей языка на выбор соответствующих единиц из совокупного лексикона/тезауруса. Наряду с этим “переключателем” существуют и другие, например, **соматикон**, сцепленный, в свою очередь, с **аксиологикон** и/или **аффектикон**. В основе функционирования этих “переключателей” лежит, по-видимому, та субстанция, которую В.П. Зинченко (вслед за Н.А. Бернштейном) называет биодинамической тканью [4, 24–25], опирающаяся, в свою очередь, на чувственную ткань [4, 25–26], причем эта субстанция “предъявляется” и фактуально (в виде некоторой телесности), и опосредованно — в виде вербальных знаков/психологосем и невербальных ансамблей (мимико-жестуляционных конфигураций), отсылающих к автохтонным смыслам: “...ментальность — это способы восприятия, способы думать и чувствовать, доминирующие в определенную историческую эпоху. Это реально действующие, но преимущественно неосознаваемые социально-психологические установки. ...коллективная ментальность включает в себя совокупность определенных идей в неосознанном или неполностью осознанном виде” [14, 2]. Это, несомненно, так (ибо Р.М. Фрумкина обсуждает суть и характер ментальности научного сообщества), но применительно к нашему материалу речь может идти о таких способах воспринимать, думать и чувствовать, которые в слабой степени соотнесены с исторической эпохой, являясь, по-видимому, соматологически/Обсуждая проблему универсальности и понимания (правда, текста, что не столь существенно), Г.И. Богин указывает, что “в обыденных условиях непосредственно рефлектируются: при семантизирующем понимании — образы знаковых ситуаций; при когнитивном понимании — образы ситуаций объективной реальности; при распремечивающем понимании — образы ситуаций субъективной реальности” [2, 23–24]. По его мнению, языковая личность и есть совокупность таких пониманий, причем “когнитивное и распремечивающее понимание совместно противостоят пониманию семантизирующему в том отношении, что они позволяют осваивать смыс-

лы, тогда как семантизирующее понимание дает лишь освоение социально принятых значений языковых знаков”, хотя именно “фокусировка семантизирующего понимания на значении — гарантия всех остальных видов понимания” [2, 42]. Но особенно интересно его утверждение о том, что образ ситуации, возникающий у реципиента, является совмещенным образом: он и константен, и целостен, и конкретен, и вариативен, и процессуален, являясь результатом взаимодействия всех пяти уровней языковой личности. Принимая во внимание вышеизложенные соображения Г.И. Богина, внесем в них все-таки некоторые коррективы. Если считать, что карта человеческого тела (соматологическая карта) есть не что иное, как инобытие телесности (а основания для такого утверждения есть), или, иными словами, текст, то, во-первых, его смыслы не наращиваются, а оказываются закрепленными за определенными участками/«квадратами», во-вторых, вариативность их конечна в силу ограниченности используемых оценок-характеристик того или иного “квадрата”, в-третьих, эти смыслы зачастую квазиконкретны (они “овеществляются” с помощью компаративов), в-четвертых, они квазиконстантны, указывая — в ряде случаев — и на реальную, и на мыслимую среду. Перефразируя слова У. Эко о том, что “...сознания зависят от вторичных кодов или лексикодов, присущих не всем, а только какой-то части носителей языка” [14, 56], можно было бы сказать так: эти сознания зависят от вторичных (и первичных?) кодов (сомакодов), присущих всем носителям языка. Относительная стабильность соматологических/сомастических смыслов отнюдь не случайна, являясь, по-видимому, феноменом, возникшим в условиях моностилической культуры, ориентирующейся на иерархию, канонизацию, упорядоченность, тотализацию, исключение, упрощение, официальный консенсус, позитивность и телеологию [6, 184–186]. Конечно, связь между этими смыслами и вышеуказанными категориями отнюдь не прямолинейна, выступая как связь, опосредованная промежуточными семиотическими факторами, присущими определенной среде человеческого существования. Заманчиво предположить, что именно на основе телесности, понимаемой как уникальность/единичность, возникли и продолжают существовать эти категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балясникова О.В. “Свой — чужой” в языковом сознании носителей русской и англ-

лийской культуры: Автореферат дисс. ...канд. филол. наук. — М., 2002.

2. Богин Г.И. Типология понимания текста. — Калинин, 1986.

3. Василевич А.П. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты: Автореферат дисс. ...докт. филол. наук. — М., 2003.

4. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. №2.

5. Зинченко Т.П. Память в экспериментальной психологии. — СПб., 2002.

6. Ионин Л.Г. Социология культуры. — М., 1996.

7. Кассирер Э. Философия символических форм: Введение и постановка проблемы // Культурология. XX век. Антология. — М., 1995.

8. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. — М., 2001.

9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб., 1999.

10. Сорокин Ю.А. Евразийство и его постулаты: возможные коррективы // Этнокультурная специфика речевой деятельности. — М., 2000.

11. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). — Самара, 1994.

12. Сорокин Ю.А. Японо-украинско-белорусские соматологические карты: выборочные сопоставления // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Сер. Лингвистика. Вып. 1(16). — Ульяновск, 2001.

13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М., 1988.

14. Фрумкина Р.М. Современные представления о когнитивных процессах и культурно-историческая психология Выготского-Лурии / Р.М. Фрумкина // НТИ. Сер.2. Информационные процессы и системы. — 1998. - № 6.

15. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб., 1998.